

Приглушенный сад

Рут Колани

перевод с английского Аси Перельцвайг

Это моя любимая фотография. На заднем плане видны растущие в нашем саду белые гортензии с цветками, похожими на снежки. Рядом со мной на траве сидит Чу Мин, дочка нашей Ама. Я хорошо помню этот сад, потому что я очень часто играла там с Чу Мин и Эллен Дирлинг, дочкой английских миссионеров, которые жили над нами в Блэкстоуне.

После обеда, когда Эллен и я возвращались домой из школы, мы звали Чу Мин через забор. Она была старше нас, но никогда не ходила в школу. Как же ей повезло, что ей не приходилось выслушивать упреки Мисс Пенфорд, учительницы по арифметике, или носить темно-синюю форму с эмблемой династии Винзор.

Хотя Чу Мин почти не говорила по-английски, она говорила руками, как изящная балерина. Я помню, как она приносила свою куклу Мисси в сад, где мы играли в «дочки-матери», как она нежно укачивала Мисси и прикладывала ей палец к губам, а потом раздавала нам мои игрушечные чайные чашечки. Иногда мы играли с веерами. Эллен одевалась как Ама, а Чу Мин и я делали вид, что мы — богатые шанхайские леди, ждущие возвращения своих мужей домой. Часто мы приносили настоящую еду в сад, например шантунгскую капусту и ростки, которые Ама готовила в тот день, или лимонные ватрушки, которые Миссис Дирлинг пекла к ужину. Все было гораздо вкуснее на траве, но мы не всегда могли играть во дворе.

В дождливые дни мы поднимались к Эллен, где Миссис Дирлинг играла на органе, который звучал, как много инструментов сразу, и делал комнату больше. Однажды я спросила у нее, знает ли она ханнукальную песенку, которой меня научил отец. Она сказала: «Нет, Рут, но если ты напоешь ее, я постараюсь подыграть тебе». И вскоре и Эллен, и Чу Мин уже напевали эту мелодию.

Однажды, когда я вернулась из сада домой, я услышала сердитые голоса из нашей квартиры. Когда я вошла в гостинную, то увидела папу, грозящего пальцем. Ама стучала по столу кулаком и говорила: «Нет денег — идти полиция!» Папа сказал: «Что вы имеете

в виду? Все эти годы я платил вам хорошие деньги. Что вы хотите: отобрать мою последнюю рубашку?» Ама сплюнула и пронзительно закричала, что она рада, что все иностранцы уезжают: «Вы уехать! Вы иностранцы!»

— Ама, пожалуйста, успокойся. Папа не ссорится.

— Я заботился о вас и вашей дочери, — сказал папа, — а теперь, когда мы уезжаем, вы пытаетесь создавать нам трудности, шантажировать нас. Мы должны немедленно уехать, пока еще не поздно. Самое позднее на следующей неделе.

— Папа, почему? Ты сказал, у нас еще есть время.

— Вы уехать. Вы все равно. Вы уехать.

Я подбежала к Ама и уткнулась лицом в ее хлопчатобумажное платье. Я плакала: «Ама, мы уезжаем, мы уезжаем», — и дергала ее за рукава. Но она не обращала на меня внимания и продолжала ругаться по-китайски: «Иностранец!» Я смотрела на нее, ожидая, что она успокоит меня, как она это всегда делала, но она ушла, а я стояла там и смотрела, как она ковыляет своими маленькими ступнями из комнаты. Ама никогда до этого дня не кричала. Она всегда говорила тихо, и ей нравилось быть с нами; она всегда говорила, что папа — хороший человек. Раньше она вышивала для меня шелковые туфельки и сидела около моей постели в те долгие вечера, когда папа допоздна работал в портняжной мастерской, а я боялась дожидаться его одна в темноте. Мастерская находилась недалеко, в Хонгку, специальном районе для иностранцев, где я родилась и где мы жили во время войны, до того как перебрались в Блэкстоун во французской части города. Почему она называла папу иностранцем? Она была членом нашей маленькой семьи. Я видела, как он стоит около двери, держась за голову; я умоляла его не сердиться. Он погладил меня по щеке, качая головой: «Bist noch Klein liebes Kind. Kannst es Nicht Verstehen».* Папин голос был очень грустным и одиноким, хотя он и улыбался. Меня послали к себе в комнату, чтобы отобрать любимые игрушки, потому что я не могла взять их все.

Многие уезжали из Блэкстоуна в ту неделю: Дирлинги уезжали домой в Англию, а мы ехали на другой конец света, в Израиль. Папа сказал, что нам больше некуда было

* Ты еще очень маленькая, дитя. Тебе ничего не понять. (идиш)

ехать, потому что в Америке для нас не было места. Мы сложили те вещи, которые мы не могли взять с собой, в резной сундук и оставили его у друзей в Хонгку.

В четверг после обеда я пошла попрощаться с Чу Мин. Я прошла через забор на сторону прислуги. Мы очень редко ходили туда. Это было серое кирпичное здание, сбоку которого ступеньки вели вверх. Я увидела маленького Сун Йи, двоюродного брата Чу Мин, харкающего кровью на землю. Мне хотелось подбежать к нему и обнять его, но я не сделала этого. Ама всегда говорила мне, чтобы я держалась от него подальше из-за его плохой болезни. Я поднялась на второй этаж, где пахло вареным рисом и старыми камнями. Зайдя в темную комнату Ама, я увидела Чу Мин сидящей на жесткой кровати у окна.

— Привет, Лус! — сказала она с удивлением. — Посиди.

— Нет, спасибо, Чу Мин. Вот, я принесла тебе подарок.

Я протянула ей мою игрушечную посуду, которую я старательно завернула накануне, и потерла руки, потому что не могла придумать, что же еще сказать.

— Почему давать мне это? Это принадлежать тебя.

— Мы уезжаем завтра, и я не могу все взять с собой. И вообще она мне больше не нужна, а ты можешь играть в «дочки-матери» с другими детьми, когда меня не будет здесь.

Она объяснила мне, что когда я вернусь, она тоже подарит мне подарок.

«Я не вернусь». Чу Мин увидела, что я плачу и протянула мне носовой платок, чтобы я вытерла нос, а потом промакнула мои глаза, как это когда-то делала Ама. От Чу Мин пахло рисом, который варился в коридоре. Ее грустные узкие глаза смотрели на меня, а тонкие, изящные пальцы перебирали хрупкие чашечки. Я не могла поверить, что мы уезжаем. Накануне ночью мне приснились солдаты, марширующие по Рю де Лафайет, нашей улице; они стреляли в белые гортензии и гнались за нами с драконами из новогодней процессии. Мы с папой бежали за забором, пока наконец не достигли самолета, и солдаты уже не могли догнать нас.

Мы долго-долго сидели около маленького окошка, не разговаривая. Я хотела забыть свой сон. За окном наступал вечер. Сун Йи сидел на корточках на ступеньках,

стуча палкой по камням. Внизу гортензии стряхивали белые лепестки. В саду никого не было. Я стала думать о тех днях, когда мы играли на траве с Эллиен, и о тех воскресных вечерах, когда Миссис Дирлинг водила нас в кино. Мы ехали туда на рикше по Бунду, где матросы со всех концов света прогуливались в разношерстных униформах. Мы видели лодочки, качающиеся на воде около больших судов, и солнце, расцвечивающее узоры на воде. Было поздно.

Я оставила Чу Мин на коленях у окна. От дверей я еще видела, как она машет мне рукой. И вот я уже тихо побежала по темному коридору, мимо старухи, обмахивающей веером свою зажженную печурку. Мальчишки, столпившиеся вокруг нее, показывали на меня пальцем. Я торопилась домой.

Я помню, как на следующий день я смотрела на Шанхай с самолета. Высокие здания у реки постепенно становились малюсенькими. Когда мы пролетали над водой, я видела парусники на рейде и ветер, трепавший их паруса; они двигались изящно, как руки Чу Мин, когда она укачивала Мисси, и вот они уже скрылись за большими судами. Почему все всегда удаляется и исчезает? Папа сказал мне, что город сдался через неделю.

Я часто думаю, что случилось с Ама, ее дочерью и всеми остальными. Мне интересно, живут ли они по-прежнему около нашего сада, помнят ли они меня. Но фотография молчит. На ней две девочки навсегда робко улыбаются на траве, а на заднем плане безмолвно замерли белые гортензии с цветками, похожими на снежки.

Рут Колани родилась в Шанхае в начале Второй Мировой войны. Ее отец, профессор С. Франкель, иммигрировал в Шанхай из Вены вскоре после аннексации Австрии нацистской Германией. В 1949 г. семья переехала в Израиль, а затем Рут получила образование в США. В последние годы жизни Рут Колани жила в Иерусалиме и преподавала английский язык и литературу в Иерусалимском университете.